

сборник освежающих текстов

ЛИМОННИК

ВЫПУСК №2

ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗРАИЛЬСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЕЧЕРИНОК

Хелен Лимонова
Лимонник. ВЫПУСК №2
по материалам израильских
литературных вечеринок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45567428
ISBN 9785005052223

Аннотация

Это сборник необычный, сборник уникальный. В нём – вкусная литература, от ироничной до исповедальной. Всех его авторов можно видеть вживе на вечерах «Лимонник», проходящих в Тель-Авиве. Хочешь – будь прозаиком, желаешь – стань поэтом; Сроки мероприятия подскажет Интернет нам. Если сможете – приходите, писатели приглашают. А нет – читайте и нежно завидуйте, они разрешают.

Содержание

Лёгкая жизнь	5
Анатолий Золотушкин	5
Новая жизнь	5
Вторая любовь	7
Лёгкая жизнь. Пятая графа	9
Лёгкая жизнь. Маленький урод	10
Лёгкая жизнь. Начало	12
Лёгкая жизнь. Искусство	14
Татьяна Левинсон	17
Трудности перевода, или В ожидании чуда в Израиле	17
Бесконечные летние ночи	20
Татьяна Бершадская	23
Борщ накануне Песаха	23
О негасимой и большой любви, которая случилась со мной в 19 лет	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лимонник
ВЫПУСК №2

по материалам израильских
литературных вечеринок

Редактор Хелен Лимонова

ISBN 978-5-0050-5222-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лёгкая жизнь

Анатолий Золотушкин

Новая жизнь

Когда я был маленьким, то очень любил начинать новую жизнь. Обычно с понедельника, не говоря уже о начале новой четверти или учебного года. Я давал себе зарок, что в новой жизни буду хорошим мальчиком, буду хорошо учиться, и мама будет мной гордиться, так как ей этого очень хочется.

В доме все замирало, Толя делает уроки. Такое бывало не часто. Я стелю на наш обеденный стол старую газету, вставляю в ручку новое перо, беру чистую тетрадь и старательно вывожу на первой страничке:

17 сентября

Дамашняя работа

Задача №178

17 землекопов копают котлован....

От напряженной работы ладошка вспотела, тетрадь увлажнилась, и буквы начали расплываться. Но я не отсту-

паю. Задача решается быстро, а ответ не сходится. У папы ответ сходится, но он решает неправильно, с «иксами». Нам еще так нельзя. Надо что-то принимать «за единицу» и решать за четыре действия. Наконец ошибка найдена. Я старательно переправляю все цифры. И тут с работы приходит мама. Она с отвращением смотрит в мою тетрадь.

– Что это за дАмашняя работа? Ты живешь в доме или в даме? Немедленно переписывай.

– Мама, я исправлю.

Перо цепляется за какую-то шероховатость в бумаге, и на странице огромная клякса.

Мама вырывает лист из тетради. Всё пропало. Новой жизни не получилось, буду жить по-старому.

Вдруг радио, передающее легкую музыку, замолкает. Напряженная пауза. И тут из репродуктора доносится голос Левитана:

– Работают все радиостанции Советского Союза. Передаем сообщение ТАСС.

Неужели война?

Левитан продолжает:

– В Советском Союзе осуществлен запуск искусственного спутника с двумя собаками на борту. Полет прошел в штатном режиме. Осуществив 18 оборотов вокруг Земли, Белка и Стрелка успешно возвратились на Землю.

Слезы у меня высохли. Переписывать, так переписывать. Хочу быть Стрелкой.

Вторая любовь

В этом году вешние воды отошли неожиданно рано, апрельское солнышко подсушило почти все лужи, и я вышел во двор в новых черных ботинках, подаренных мне любящей тетей на день рождения. На лавочке сидел Вовка с третьего этажа. Он был младше меня на год, но о жизни знал значительно больше.

Мы пошли к железной дороге, и он открыл мне страшную тайну. Оказалось, что три сакральных слова, которые ни в коем случае нельзя было произносить при девочках и взрослых, имеют непосредственное отношение к появлению на свет новых людей. Он сам узнал об этом недавно и не был до конца уверен, что это правда.

– И ты хочешь сказать, что твой папа делал ТАКОЕ с твоей мамой?

Его мама, Людмила Васильевна, была завучем нашей школы, и представить это было решительно невозможно.

Наконец, мы пришли к выводу, что таким образом размножаются хулиганы, которые со своими размалеванными подругами пьют в кустах вино прямо из бутылок. Приличные люди обходятся поцелуями, как и показывал нам советский кинематограф. Но сомнение закралось, и я поехал к двоюродному брату за разъяснениями. Он был на три года старше и очень удивился моему дремучему невежеству. Боль-

ше того, он приврал, что сам неоднократно ЭТИМ занимался с воспитательницами детского сада, который находился у них во дворе.

Я чувствовал себя как чукча, который неожиданно узнал, что море может быть не только холодным, но и теплым. Обретенное знание кипело во мне и требовало применения. На следующий день я подошел к самой красивой девочке нашего класса и заявил, что мне следует с ней серьезно поговорить. Так обычно говорила моя мама, если я приносил очередную двойку.

Пока мы отходили в сторону, я с ужасом понял, что не знаю, что хочу сказать. Поэтому сообщил, что скоро звонок, и мы поговорим на следующей перемене. Она резко развернулась и побежала в класс, а я остался стоять, как оплывший, и, конечно, опоздал на урок. Время звонка неуклонно приближалось, а я все не находил нужных слов и даже не заметил, что меня вызывают к доске.

– Золотушкин, опять гав ловишь? Давай дневник.

На следующем уроке я решил, что лучше объясниться письменно. Я вырвал из тетрадки листик, написал: «Я хочу тебя ибать», свернул 5 раз, надписал сверху имя и передал по рядам.

Урок был последним, и когда мы выходили из класса, девочка подошла ко мне и бросила в меня моей запиской. Там она исправила «И» на «Е» и нарисовала смешную рожицу.

Так кончилась моя вторая любовь.

Лёгкая жизнь. Пятая графа

Я узнал про свою национальность где-то на излёте детского сада. Новость была не из приятных. Советские дети должны были обладать нордической внешностью, смелым нравом и безудержным оптимизмом.

В 50-е и последующие годы быть евреем было попросту неприлично. Эта национальность не упоминалась в прессе или на радио. В 80-е годы на заводском партсобрании следующим образом был зачитан национальный состав организации:

Русских 147

Украинцев 206

Татар 3

Узбек 1

Прочих 144

(Дружный смех зала)

Если еврей был неправильный (например, провинившийся завмаг) то в фельетоне его именовали по имени отчеству. Например Поляк Исаак Израилевич. Хорошим еврей-передовикам производства достаточно было инициалов, скажем Каменицер И. И. На могильном памятнике моего отца, по ошибке похороненного на русском кладбище, значит-

Золотушкин А. М.,

чтоб вандалы прошли мимо.

Ещё неприличнее было быть похожим на еврея.

Мама гордилась, что она похожа на грузинку, бабушка считала, что у нее польская внешность, а мне деваться было некуда.

Вдобавок большинство родственников успешно ассимилировались.

Бабушка часто говорила мне:

– Что ты смотришь на Серёжу? Он русский и сын генерала. Его и с двойками везде возьмут. А ты должен учиться только на пятерки.

Потом быть евреем стало почётно и зачетно. Многие стремятся.

Но если витамина уверенности в себе в детстве не получил, потом не восполнить.

Лёгкая жизнь. Маленький урод

Я всегда знал, что я не такой, как все. Когда мы с моей любимой бабушкой выходили гулять в Золотоворотский сквер, все ее подружки хором обсуждали мою худобу и приходили к выводу, что меня не кормят. В ту далекую несытую пору в детях ценилась дородность и даже некоторая одутловатость.

– Этот урод просто ничего не ест, — оправдывалась моя бедная бабушка, но ей никто не верил.

В меня силой пытались запихнуть свиные отбивные, рыбий жир и красную икру, но я отбивался изо всех сил.

Бабушка пекла замечательные пироги, славящиеся по всем городам и весям, где проживали наши родственники, но я на них даже не смотрел. Но верхом моей подлости было поведение в гостях. Там, вдали от дома, я ел с завидным аппетитом, чем еще больше ее дискредитировал. Поразительная бледность моей кожи наводила на мысль, что она меня содержит в чулане, как Мальвина Буратино. Родственники гладили меня по голове и угощали шоколадными конфетами, от которых, к бабушкиному ужасу, я не отказывался, несмотря на строгий инструктаж перед выходом из дома.

— Вы думаете, у нас дома нет шоколада? — тщетно заламывая руки, восклицала бабушка. Увы, это был глас вопиющего в пустыне. Родственники отводили глаза и засовывали конфеты мне в карман.

Дома меня обзывали вонючим интеллигентом, таким же, как отец и вся его паршивая семейка.

Главное свое уродство я совершил в первом классе. Наша учительница, Эсфирь Львовна спросила детей, как они помогают своим родителям. Кто-то мыл посуду, другие ходили в магазин, а некоторые присматривали за младшими братьями. Одному мне нечего было сказать. Придя домой, я решил исправиться и помыть посуду. Этим у нас обычно занималась мама. Будучи химиком, она подходила к этому процессу серьезно и тщательно. Специальные жидкости для

посуды до страны победившего социализма еще не дошли, и она применяла соду, горчичный порошок и прочие подручные средства. Я, со свойственной мне с малых лет креативностью, все упростил. Тарелки были ополоснуты холодной водой и вытерты полотенцем. Они стали сиять на солнце, и я поставил их в буфет, гордясь собой.

Когда мама пришла с работы и, решив поужинать, попыталась взять одну тарелку, у нее не получилось. Тарелки вынули сразу все. Я сидел в уголке и скромно ждал похвал. Вместо них раздался звон разбитой посуды и возглас мамы: «Кто тебя просил мыть посуду? Лучше бы уроки делал, как следует!».

Так я не стал посудомоем и еще много кем.

Лёгкая жизнь. Начало

Когда мама подкатила к роддому на сверкающем трофейном «Opel Kapitán», весь персонал выбежал на улицу, а те, кто не успели, прильнули к окнам. Они сразу поняли, что у них должно родиться что-то необыкновенное. Но я еще раздумывал, стоит ли покидать такое теплое, влажное и уютное маменькино брюшко. Пришел главврач и, заметив, что я не собираюсь выходить в эту промозглую действительность, заявил, что придется делать кесарево сечение. Этого я допустить не мог. Чтобы мамочке резали мой любимый мягкий животик! Нет, нет и еще раз нет! И я полез в этот

свет, от спешки запутавшись в пуповине. Это было фатальной ошибкой. Так погиб мой старший брат, которого еще до рождения нарекли Яшей, в честь маминого деда, знатока Писания, каббалиста и чудотворца. Но холодная сталь щипцов выхватила меня из материнского лона и не дала пойти по неверному пути моего мертворожденного брата. Меня положили на стол. Кричать и плакать я не хотел, но признаки жизни подал, обдав окружающих своей, слабой еще струйкой. Все умилились и оставили источник струи в первобытном состоянии, наплевав на древний обряд. Меня принялись взвешивать и измерять, как будто эти сухие цифры могли что-то сказать о моей грядущей судьбе. Нет, чтобы посмотреть на расположение звезд над крышей. Но время тогда было атеистическое, уже разгромили вейсманистов-морганистов и прочих низкопоклонников западной науки. Какая уж тут астрология? И зря, светила могли бы подсказать, что нельзя потомка такого прадеда оставлять необрезанным.

Правда, в синагогу меня впоследствии водили. И я сидел на месте прадедушки, которое он себе купил в 1918 году за зашитые в кальсоны царские червонцы. В мое время там не молились, а представляли кукольные спектакли. Бог с интересом наблюдал за приключениями Буратино и за мной, украдкой ковыряющим в носу, пока мама не видит. Созвав на совещание ангелов и души набожных предков, Всевышний решил про меня, что пусть для начала поболит диатезом и корью, а потом все-таки живет. Ведь он (то есть я)

может написать смешные рассказы, а человеческая улыбка угодна Господу не меньше длинных молитв, а может, даже и больше.

Лёгкая жизнь. Искусство

В детстве я очень любил петь. В моем репертуаре было всего две песни. Зато какие! Одна веселая, про отважного капитана, который объехал много стран, постоянно улыбаясь, как debil, а вторая, трагическая, про юного барабанщика, погибшего во цвете лет от случайной пули. Пел я их громко и с выражением. Песни были, а со слушателями была напряженка. Как только я затягивал одну из них, мама говорила: «Иди лучше порисуй».

Чтобы в доме было тихо, мне покупали огромное количество цветных карандашей самых невообразимых оттенков, шершавых альбомов и акварельных красок. Но я был не Репин какой-нибудь, в альбомах рисовать. Во мне жил инстинкт первобытного человека — рисовать на стенах пещеры. Правда, этот вид творчества жестоко пресекался. Но я нашел выход. Над диваном висело живописное панно, вышитое мамой крестиком во время декретного отпуска. Панно изображало семью оленей на фоне северного сияния. Гордый самец стоял, увенчанный рогами, а его жена и сын мирно жрали траву. Когда меня никто не видел, я залезал под панно и творил. Через некоторое время от моего творчества осыпа-

лась штукатурка, и обнажились дранки, на которых она держалась. У меня появилась мечта — проковырять дырку к соседям и посмотреть, чем они там занимаются. Тем более, что до войны эта комната была нашей, и у меня были все права на реванш. Но графа Монте-Кристо из меня не получилось, тайный подкоп завершён не был.

Ещё я пытался заняться резьбой по дереву мебели перочинным ножиком. Но последней каплей, переполнившей все чаши, был лобзик, подаренный добрыми маминими подругами. Я решил укоротить им ножки старинного, обитого кожей стула, чтобы ноги не болтались и мне удобно было сидеть. Терпения хватило только на одну ножку...

После этого меня опять бросили из огня в полымя и начали учить музыке. Очевидно, мама решила, что если моего слуха не хватает на пение, то для игры на баяне его вполне достаточно. Как я сочувствую нашим бывшим соседям. В конце концов, они же были не виноваты, что их вселили в нашу квартиру.

После этого я поневоле возвращался к художественному творчеству на уроках рисования, и с окончанием младших классов покинул эту стезю уже навсегда. Теперь думаю, что, наверное, зря. Наблюдая живопись сегодняшнего дня, понимаю, что мои работы вполне могли бы украсить стены музеев современного искусства. Но в те суровые годы даже импрессионисты были спрятаны в запасниках, и царил социалистический реализм, с которым мне было не по дороге. Я стал

в искусстве только потребителем.

Дома изобразительное искусство было представлено мамиными оленями, зато у родственников висели мишки Шишкина, где медведи были изображены в натуральную величину. Очень хотелось на ней что-нибудь дорисовать. Но мы с двоюродным братом Сережей не решались, так как понимали, что наказание будет быстрым и неотвратимым.

Залежи картин были обнаружены Сергеем в кладовке. Как они туда попали, мы не знали, а сейчас и не у кого спросить. Там были изображены пасторальные пейзажи и старинные натюрморты «из ненашей жизни». Им применение нашлось. Когда в доме никого не было, мы тренировались в стрельбе по этим картинам из пневматического ружья. Но стрелять по картинам было неинтересно. В глобус было значительно эффектнее. После попадания он начинал крутиться! Картины, изрешеченные нашими пулями, выбросили, а ружье отобрали.

Через несколько лет мы значительно поумнели, как нам тогда казалось. Начали ходить в музеи, собирать художественные альбомы, и, вспоминая детство, гадали, каких художников мы тогда изуродовали своими пулями, и за какие несметные деньги эти картины можно было продать коллекционерам.

Что интересно, мысль о том, что я стал значительно умнее, чем прежде, посещала меня в жизни потом неоднократно. Но, как потом оказывалось, что увы...

Татьяна Левинсон

Трудности перевода, или В ожидании чуда в Израиле

Признаться, быть беременной Лерке понравилось!

А дальше с ней случилось то, чего она совсем не ожидала – она начала вести детскую колонку. Раньше Лера всегда задавалась вопросом: кто эти симпатичные люди, что пишут статьи в детские разделы? Как это было далеко от нее... Честное слово, вот где кожаная куртка-косуха, а где флисовые одеялки эти мимимишные!

Погружаясь в детский мир, Лера вдруг отчаянно поняла, как мало знает об Израиле. Она с упоением и скоростью света писала свои заметки и вспоминала, как ничегошеньки не понимала поначалу. Приходила в медицинские центры Раананы, Ришона, Тель-Авива и даже Бней-Брака... И одинаково тупила.

– Убар эхад?

– А?

– Ат меузенет?

– А-а-а?

– Хельбон бэ шетен...

– А-а-а-а!

Вопрос: «Убар эхад?» просто преследовал Лерку. Задавали его, казалось, все и везде. Довольно быстро она узнала, что «убар» – это плод. То есть все – но в основном всё-таки медработники – интересовались, один у нее плод или же многоплодная беременность.

«Хельбон бэ шетен» – отдельная песня! Будучи, видимо, относительно здоровым человеком Лера всего несколько раз была у врача. Кровь сдавала, а вот мочу не приходилось. Как будет кровь на иврите, она знала еще потому, что проходила курс первой помощи в колледже. Учеба была в основном на английском, но вот именно этот курс был на иврите: там еще такие симпатичные ребята парамедики приезжали...

Что такое «хельбон», Лерка тоже ни сном ни духом. Это потом она уже сильно радовалась, когда это слово на протезных батончиках видела. А тогда – просто караул!

Еще в начале всей этой истории подружка Сонька, как только узнала, что Лера в положении, посоветовала походить по каким-то специальным мероприятиям, где беременным дают полезности и подарки. Как такие мероприятия называются, она, правда, понятия не имела. А Лерке, естественно, стало очень интересно, что это за тайные сборища с подарками и как туда попасть.

Так, довольно быстро она узнала про «сьюры» в больницу, где предполагается рожать. Тут всё просто: слово «сьюр» переводится как экскурсия – всё логично.

На сьюре не только смотрят, там можно задавать вопро-

сы. И снова – нужен иврит! В больнице «Ихиллов» Лера впервые услышала слово «дула». И хотя это, собственно, английское «doula», все равно – трудности перевода. Тогда у нее случился инсайт, что существуют особенные женщины, которые помогают другим женщинам рожать.

Лерка честно ходила по сиюрам, но где же подарки? Максимум папку яркую с рекламой дадут... Оказалось, что есть еще и «кенес»!

«Кенес» переводится как собрание или конференция, и периодически какая-нибудь больница устраивает такое мероприятие. Для этого снимается симпатичный зал, организовывают приятный фуршет с соками – все ж беременные! – и приглашаются фирмы-спонсоры. Они рекламируют себя и дарят подарки.

На кенесе обычно есть образовательно-развлекательная программа. Выступают врачи, показывают видео из больницы, а гвоздем программы может стать стендап в стиле Адира Миллерана тему беременности и того, как по-разному жена и муж к этому относятся.

До сих пор Лерка улыбается, вспоминая кульминацию своего кенеса, когда акушерка проводила психологический тренинг и учила говорить мантру: «Я женщина и я умею рожать!»¹

«Теперь давайте вместе хором», – предложила акушерка. А поскольку на такие мероприятия все приходят семьями

---

¹ תדלל תעדוי ינאו השא ינא – «Ани иша вэ ани йодат лалэдэт» (иврит).

с детьми разных возрастов, одна девочка лет десяти громче всех и раньше всех кричит: «Ани иша вэ ани йодат лалэдэт!»

И весь зал, конечно, умилился до слез. Потому что мы в Израиле – у нас тут одна большая многоязычная семья.

И пустяки все это – убар эхад, хельбон бэ шетен... Не так и сложно! Лерка чаю с клубникой отхлебнула и перестала печатать. На стуле откинулась, ноги на край окна, улыбается. А там темным-темно, хоть глаз выколи. Скоро кормить.

Август, 2019

Бесконечные летние ночи

Осенью я пью глинтвейн и много пишу. А на Суккот, ты сказал, придут дожди...

Этим летом в Лондоне я ни разу не вспомнила про Ллойда – оказывается, три года – достаточный срок, чтобы забыть друга. Я стояла на могиле Байрона, сверлила глазами глаза Уильяма Блейка в Вестминстерском аббатстве, этом мрачном многовековом склепе... Находясь среди покойников, я не вспомнила про Ллойда. Для меня, видимо, он остался среди полей, полных подсолнухов – цветов солнца, которые он так любил. Это было в июне.

А в июле я поймала себя на мысли, что еще никогда в жизни не прощалась так часто. Я говорила «пока», обнимала, уходила, уезжала на машине, поезде, самолете – сколько же средств придумало человечество для расставаний?! До сих

пор удивляюсь, как я больше не плачу?

Но жизнь не стоит на месте. И теперь я знаю, что за сутки можно успеть выпить кофе на Чаринг-Кросс с женщиной не моей мечты, воткнуть телефон в розетку в таллинском аэропорту, пересечь границу с Россией и, на секунду застыв, ответить на вопрос: «Девушка, а где вы вообще живете?», пережить этот калейдоскоп событий, но так и не понять, как обрести тебя, не потеряв себя.

Твои черничные ночи, мои брусничные дни... В застывшем воздухе замирает повседневность, не дает ответа. Кого любили мы, кто любил нас?

Зачем-то я снова на «Короблях», хотя отчетливо помню тот мутный февральский вечер. В чехле около батареи свадебное платье – я надена его, чтобы через пять лет поставить подпись в свидетельстве о разводе. И вот снова на этом балконе – сидим, курим.

Если верить штампу, я всё еще числюсь его женой. Сделаю вид, что не заметила слезы, да и он скажет «тебе показалось». Впереди только приторный июльский полуденный горизонт, уходящий куда-то в бескрайние балтийские просторы, свист маршруток, пыль, клекот прохожих, зелень листья, бьющая по глазам.

Мне кажется, что время остановилось. Но это – лишь минутная слабость. Время остановилось и так же стремительно побежало дальше. Август.

Я уже не верю миражам, листаю на ночь высказывания Да-

лай-ламы в «Инстаграм», ночи провожу на полу аэропорта Бен Гурион, всё еще жду удачу, почти не плачу, задумываюсь: стоит ли загадывать желание на падающую звезду? Ведь падая, она как бы умирает... Хотя, вроде, уже не задаюсь вопросами, на которые нет ответов, но от себя не убежишь. Да и не надо. Да и стремительность жизни – полная иллюзия.

Встретить случайно рассвет в Тель-Авиве, перебрать рукой твои кудри и остаться в этом мгновение навсегда. Вот женщина в окне напротив собирает с веревки белье... Я впервые рассмотрю этот город, услышу первых птиц, вздохну, улыбнусь, поставлю точку.

Иногда кажется, что меня не хватит. Но на Суккот, ты сказал, придут дожди, а я сварю первый в этом году глинтвейн. Закутаюсь в плед и сяду у окна слушать, как кап-кап-капают капли дождя.

Август, 2019

Татьяна Бершадская

Борщ накануне Песаха

Вспомнилось вот... Лет двадцать назад я некоторое время работала в фирме по уходу за стариками. У меня была одна подопечная старушка по имени Шошана. Годков ей было 92. Она жила в центре Тель-Авива, на улице Фришман. А я ездила к ней каждое утро, по дороге закупала продукты, заказанные со вчера, потом готовила, убирала и выводила Шошану в небольшой парк. Там мы с ней сидели на скамейке, беседовали на подзабытом, но всё ещё памятном ей русском языке. В основном говорила она...

В 1926 году двадцатилетняя Шошана, тогда ещё Роза, вышла замуж за двоюродного брата своей матери, молодого сиониста и очень пламенного борца за еврейские идеалы, которые из Киева виделись легко достижимыми и близкими. Муж увёз Розу в Палестину, переименовал её в Шошану, поселил где-то у чёрта на куличках и начал строить светлое будущее всего еврейского народа в отдельно взятой стране.

Тут Шошана принималась перечислять великих людей, с которыми её муж, Шимон, сидел за одним столом и здоровался за руку чуть не каждый день! А в это время сама Шошана, исправно выполняя заповедь, рожала детей. Из пя-

ти выжили двое – сын Ронен и дочь Микаэла. К тому времени, как я познакомилась с Шошаной, это были уже пожилые люди, жестковатые в общении, с большой долей снобизма по отношению к «русским». Тогда мне это казалось странным и немного обидным. Сегодня я уже могу это объяснить. Дистанция была защитой, нежеланием иметь что-то общее со страной, которой они не знали, но о которой знали из рассказов. И ничего хорошего им не рассказали!

Со мной они практически не общались. Приходили навестить мать раз в неделю, по очереди, не более чем на час. Огромная квартира была велика сублильной Шошане. Из пяти комнат, разбросанных по всему периметру, ей бы хватило одной. Собственно, так и было – она жила в спальне с высокими потолками и величиной с небольшой танцевальный зал. Типичная баухаусная архитектура, которую я обожаю...

Шошана была болтушка и непоседа в свои почтенные годы. Можно только предполагать, какова она была в молодости! Когда мы меняли памперсы, она рдела и смущалась, а однажды сказала:

– Танечка, дай вам бог не дожить до такого. Это унижительно...

Ко мне она относилась очень тепло, а я удивлялась, откуда столько холода в её детях! Внуков и правнуков за весь год работы у Шошаны я так и не увидела!

Когда-то она прекрасно пела. В салоне стоял «Blutner»

1823 года выпуска, и на нём я иногда играла ей романсы, а она плывущим старческим голосом пела «Калитку», «Ямщика»... А однажды мы попробовали играть в четыре руки польку-бабочку, но маленькие артритные пальчики Шошаны не выдерживали этих стаккато и темпа...

Ей иногда хотелось чего-нибудь ностальгического из еды. Например, сырников с изюмом, которые жарила её мама. Сама Шошана готовила плохо (так она говорила), а последние лет двадцать вообще перестала подходить к плите.

Ну, а я с удовольствием исполняла её немногие желания. Она любила голубцы, котлеты с пюре, куриный бульон с кнейдлах. Однажды я даже жарила для неё пирожки с грибами! Дрожжевое тесто я замесила у себя дома и привезла к ней. Надо было видеть, с каким восторгом эта маленькая старушка наблюдала за процессом готовки!

Как-то я пришла, а Шошана на меня не смотрит, хмурится. Спрашиваю, в чём дело. Она говорит:

– Кончился газ! А я хочу сегодня борщ! Значит, теперь от голода умирать?!

Я напомнила, что у неё ещё есть время пожить вполне сносно, до того, как привезут газовые баллоны, потому что еды более, чем достаточно. Ну, придётся есть неразогретое сегодня.

– Я хочу борщ! – повторила непримиримая Шошана.

Пока я ходила в контору заказывать газ, который обещали привезти завтра утром, Шошана сидела у себя в спальне

на кровати и раскладывала на одеяле пасьянс.

– Знаешь что, – сказала она, – ты мне сваришь борщ сегодня.

Я только открыла рот, чтобы напомнить упрямой старухе, что газа нет, и что единственный способ, который я знаю, – это разжечь костёр посреди салона и повесить над ним казан с борщом, как Шошана заявила:

– У меня есть примус! И есть нефть. Ну керосин, да? Вот этот примус ты сейчас снимешь с «бойдэм» (антресоли, чердак), который на балконе в шкафе...

И я нашла этот латунный примус в ветхой картонной коробке, обмотанный какой-то допотопной тряпкой, но зато в полной исправности. Хорошо, что у меня был опыт обращения с примусом и керогазом, когда я жила у своей бабули Лизы! Нашлась игла от этого примуса на дне коробки. Я прочистила форсунку, залила в резервуар керосинчику и...

Я варила этот борщ четыре часа на примусе, который, ввиду керосинового духа и копоти, установила на балконе, выходящем на улицу Фришман, в центре Тель-Авива. И этот сюр происходил в канун Песаха, в конце двадцатого столетия...

Шошаны уже нет на свете. Она дожила до 94-х лет. Я ведь иногда ей звонила, пока она отвечала. А однажды мне ответил мужской голос и сказал, что Шошана умерла.

Где-то год назад я проходила мимо того дома, подняла голову и увидела на балконе детскую коляску...

19.04.2019

О негасимой и большой любви, которая случилась со мной в 19 лет

У моей подруги Софы собиралась божественная компания, в которую каким-то образом, где-то на каких-то посиделках на очередной кухне затесалась и я. Меня там держали за малышку, потому что все были старше меня как минимум лет на пять, а то и больше.

Мы читали Вознесенского, Эдгара По, Гумилева, Цветаеву и Ахматову... Ваха Квиридзе пел под гитару Высоцкого и Окуджаву, мы ходили на выставки импрессионистов, а потом до сорванного горла спорили на кухне у Софки (она жила одна, без родителей) под «Рислинг», кофе и сигареты. Туда Вика привела Сашу и две недели я, немая и несчастная от свалившейся на меня муки, не смела поднять глаз на этого полубога. Ну и не ходила бы на эти вечерние посиделки... Так нет! Ходила, как на работу. Через две недели закончилось Викино счастье и началось моё. Потому что Саша, как сейчас говорят, на меня «запал». А я, дура, этого не знала. Ну, как вы понимаете, от моей бабушки скрыть что-то было просто невозможно.

– Это шо такое, я спрашиваю? – кричала она. – Нет, шо это такое? Это глаза или это фары освещать тёмные переул-

ки, где вы будете гулять с этим твоим «шлимазлом» (недо-
разумением – *идиши*) Сашей?! Это так девушка сейчас идёт
выйти с молодым человеком, а, я вас спрашиваю? Это вот
тепер называется скромная баришня? Ой, «вэйзмир» (боже
мой – *идиши*), какое шастье, шо твои родители тебя не видят!
Я не знаю, шо могло бы быть, бедный твой папа, мой сынок,
и бедная мать твоя! Ты же ж в гроб их загонишь, если они,
паче чаяния, увидят этот Содом с Гоморрой на твоём лице!
Иди немедленно умойся и расчеши этот сеновал на своей
дурной голове! Шоб я так жила, как это красиво! Не смей так
на меня смотреть, бесстыжая, стыд и срам! Как порядочный
мальчик может пройтись рядом с такой... Нюся, Нюся (это
дедушке), иди уже посмотри на эту гопницу! Ты видишь, как
она виглядит? Что скажут соседи?! Нюся!

– Оставь девочку в покое, Аделя, сердце моё! Сейчас
у них в моде краски на лице. Пройдёт...

– О! Теперь я знаю, в кого она такая! В твою родню, шоб
они были все здоровы и счастливы на многие годы, тока
не рядом с нами! А я думаю, шо такое? Почему *моя* внучка
совсем не похожа на меня? Так потому, шо она похожа на те-
бя! Слава богу, что у нас сыновья. Ой, я даже боюсь думать,
шо могло бы вийти с дочерей, не про нас будь сказано!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.